

ЦЕННОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЕВГЕНИКИ

THE VALUE OF HUMAN LIFE IN TERMS OF EUGENICS

T. Tagunova

Summary. The conflict between the desire to improve human population (an individual or the human race as a whole) and the consequent risk of dehumanization, as a result of which human life, on the contrary, loses its value. As a utopian social project, eugenics is a rather dangerous theoretical basis, the implementation of which may lead to irreparable consequences, as the experience of Nazi Germany has shown.

The purpose of this article is to contribute to the substantiation of the hypothesis about the incompatibility of attention to human individuality and its inherent value with the desire to make the human race perfect. The author demonstrates the continuity between racially-oriented fascist concepts, radical Bolshevism, as well as modern transhumanism, and the basic ideas of eugenics. However, the author reaches the conclusion that transhumanism is more humane and promising than completely failed eugenic projects and that the issue of transhumanism relevance to modern biopolitical trends remains open.

Keywords: utopia, eugenics, transhumanism, genetics, life, selection, natural selection, artificial selection.

Тайгунова Татьяна Викторовна

Аспирант, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева
ped_otdel@list.ru

Аннотация. Коллизия между желанием усовершенствовать человека (индивида или человеческий род в целом) и риском сопутствующей этому проекту дегуманизации, в результате которой человеческая жизнь, наоборот, обесценивается. Евгеника как утопический социальный проект представляет собой довольно опасный теоретический базис, воплощение которого в жизнь может привести к непоправимым последствиям, как показал, в частности, опыт нацистской Германии.

Цель данной статьи: внести вклад в обоснование гипотезы о несовместимости внимания к человеческой индивидуальности и ее самоценности со стремлением сделать человеческий род совершенным. Автор демонстрирует преемственность расово-ориентированных фашистских концепций, радикального большевизма, а также современного трансгуманизма основным идеям евгеники. Тем не менее, автор приходит к выводу о большей человечности и перспективности трансгуманизма по сравнению с полностью провалившимися евгеническими проектами и об открытости вопроса о релевантности трансгуманизма современным биополитическим тенденциям.

Ключевые слова: утопия, евгеника, трансгуманизм, генетика, жизнь, селекция, естественный отбор, искусственный отбор.

Современная аксиология, подробно изучающая ценностные ориентации человечества, самой важной и незыблемой ценностью полагает человеческую жизнь. Действительно, жизнь — это дар, тот сравнительно небольшой промежуток времени, который дается в распоряжение каждому человеческому существу, ценен сам по себе, абсолютным образом. Однако современность, благодаря стремлению всё улучшить и усовершенствовать, несколько изменила эту «абсолютность» ценности человеческой жизни. С появлением евгеники — дисциплины, занимающейся попытками совершенствования человеческого вида посредством методичного вмешательства в естественный ход рождения и развития каждого индивида, в частности, незыблемость ценности людской жизни пошатнулась. Откуда же произрастают ее корни? Так ли внезапно она возникла и что представляет собой ее благое, на первый взгляд, намерение — сделать людей совершенными?

Задачей данного исследования является попытка ответить на вопрос: не является ли евгеника сегодня не чем иным, как одним из направлений трансгуманизма, или же, возможно, трансгуманизм — это произво-

дная форма евгеники? Ведь с появлением таких наук, как генетика, биоэтика, геномика она (евгеника) как бы растворилась в них, потеряв индивидуальность, четкость рамок. По мнению генетика С.М. Гершензона, «Сейчас евгеника — это прошлое, притом сильно запятнанное. А цели, поставленные перед евгеникой ее основателями и ею не достигнутые, перешли полностью в ведение медицинской генетики, быстро и успешно продвигающейся вперед» [4].

Для исследования вопроса автор применяет контент-анализ, а также опирается на работы представителей различных традиций и эпох. В рамках статьи предлагается обратиться к работам таких мыслителей, как: Платон, Аристотель, Ч. Дарвин, Ф. Гальтон, И. Мечников, В. Бехтерев, С. Гершензон, П. Тищенко, В. Аргонов, С. Хоружий, Е. Сакирко, Ю. Хен и т.д.

Оформление евгеники в самостоятельное учение произошло во второй половине XIX века, когда Ф. Гальтон выпустил в 1865 году труд «Наследственный талант и характер». В 1869 году в свет вышла его новая работа «Охрана и улучшение наследственных качеств челове-

ка», а в 1883 году мыслитель впервые ввел термин «евгеника». Расцвет учения в США, Европе и России пришелся на первые десятилетия XX века, получив поддержку, в том числе, на законодательных уровнях. Благодаря политике нацистской Германии (1933–1945 гг.), репутация учения была изрядно подмочена, хотя, по факту, из всех программ третьего рейха истинно евгенической можно назвать лишь «Лебенсборн». В рамках которой происходило не только зачатие детей от членов СС и их воспитание в спецучреждениях, но и охота на «способных к немечиванию» детей с захваченных восточных территорий [5, с. 448].

Очевидно, что изначально евгеника была совершенно самостоятельной наукой, имеющей конкретную целью улучшение человеческого рода посредством селекции. С этической точки зрения евгеника берет своё начало в самой Античности. Платон, сотворивший утопию о Государстве, положил начало многовековым размышлениям о том, как улучшить человека самого по себе, а не только изменить и довести до совершенства государственный строй. На страницах «Государства» говорится о том, что размножаться нужно позволять только людям образованным, сильным умом и телом, о том, что количество граждан государства должно составлять 5040 человек, а возраст мужчин и женщин, имеющих право зачать детей, четко регламентирован: «Женщина пусть рождает государству, начиная с двадцати лет и до сорока, а мужчина — после того, как у него пройдет наилучшее время для бега: начиная с этих пор, пусть производит он государству потомство вплоть до пятидесяти лет» [11, с. 207]. Правда, трактат написан в форме диалогов, и нам остается лишь предполагать, какой именно точки зрения придерживался сам Платон, так как нигде напрямую нет выражения его личного отношения к поставленным проблемам. Не будем забывать о том, что в Античности в принципе царили нравы, когда, например, детоубийство лишних детей в младенчестве не только не считалось преступлением, но и чем-то зазорным. Т. е. особой ценностью индивидуальная человеческая жизнь в Древней Греции не наделялась. В «Государстве» присутствуют доводы, которые могут показаться современному человеку весьма циничными, о правильности поддержки существования и размножения только тех, кто сможет стать достойным оплотом Государству в будущем. «... они должны особенно стараться, чтобы ни один младенец не появился на свет, а если уж они будут вынуждены к этому обстоятельствами и ребенок родится, пусть распорядятся с ним так, чтобы не пришлось его выращивать» [11, с. 208]. Возможно, здесь можно частично провести некую параллель с селекцией животных, так как факт, что Платон пишет о том, что все дети должны быть общими, дабы каждый из них добивался успехов только согласно своим заслугам и талантам, скорее говорит о невозможности к приравнению челове-

ческой селекции к животной [11, с. 202]. Необходимо отметить, что Аристотель также склонялся к мнению о том, государство должно прилагать все усилия для создания условий, в которых будут размножаться именно представители высших типов [2]. Утопическая идея Платона нашла свое прямое отражение в известной антиутопии Е. Замятина «Мы» более двух тысяч лет спустя: Замятин описывал «любовь по розовым билетам», разрешенную только в определенные дни, с определенным партнером и после информирования соответствующих госструктур о намерении совершить акт размножения.

Евгеника, тем не менее, оформилась в самостоятельную дисциплину, которой весьма спорно некогда даже был присужден статус научной, хотя, по сути своей, она являлась и является не более чем утопией. Евгенисты поднимали, на самом деле, философские вопросы, которые основывались на не более чем предположении. Например, основатель современной евгеники Фрэнсис Гальтон говорил о том, что человечеству грозит вырождение, поскольку в его время было сделано революционное открытие о наследовании шизофрении через несколько поколений. Он сделал вывод о том, что так или иначе некоторые люди будут рождаться больными шизофренией, что неизбежно, и воспроизводить потомство, передавая болезнь из поколения в поколение. Поэтому, считал он, только евгеника (то есть селективное вмешательство в размножение и отслеживание того, чтобы «носители» не передавали заведомо «бракованную» генетическую информацию) может стать спасением человечества. Он же говорил о том, что на таланты человека влияет его наследственность, поэтому если талантливые люди будут создавать пары, велика вероятность того, что рано или поздно мир будет населен совершенными людьми. «Ввиду исключительной важности этой части программы приведем слова самого Гальтона: «[понадобятся] сертификаты, т.е. удостоверения или свидетельства, возможные в будущем, об евгенической доброкачественности данного лица, иначе говоря, исследование человека на предмет пригодности его к производству хорошего потомства и выдача ему соответственного удостоверения» [7, с. 56]. Сам Гальтон прекрасно понимал, что все это, скорее, красивая теория, неприменимая в практической жизни. Чтобы ее реализовать, нужно было вмешаться в самую сущность человеческой жизни и лишить человека права на личную свободу в том понимании, в каком оно присуще сознанию современного человека — права на приватность, на свободу выбора партнера, на добровольное размножение или отказ от него. По сути, Гальтон и его современники создали «теорию-оборотня»: благородные намерения обернулись кошмаром, когда в нацистской Германии попытки подобной селекции, истолкованные превратно, породили геноцид — стремление улучшить род человеческий во имя лучшей жизни, приведшее

к массовому уничтожению людей. Вопросы о ценности жизни, таким образом, не поднимались. Теоретически ценными «кадрами» оказывались те, кто мог принести пользу государству, «отбракованные» же принудительно уничтожались. Евгеника, таким образом, явилась более чем лицемерной дисциплиной, ведь во имя процветающей и лучшей жизни должны были отдать свою жизнь те, кто по каким-либо причинам не подходил под стандарт. По сути, мир столкнулся с подобным устрашающим переходом «от слов к делу» только потому, что биогенные технологии и способность мыслить в этом направлении заметно опережают темпы нравственного развития современного человечества. Если бы не только наука, но и ценностные ориентации развивались пропорционально и соразмерно друг другу, вероятность антисоциального применения «теорий с благими намерениями» была бы существенно ниже. Разве был бы возможен геноцид в нацистской Германии, если бы ценность человеческой жизни была утверждена так же четко, как провозглашение интересов государства и средств их реализации? Безусловно, нет, поскольку одно непременно шло бы вразрез с другим, и реализация этого плана казалась бы нелогичной по своей сути.

Какими бы благородными ни были цели евгенистов, неизбежно возникает ряд этических противоречий, намекающий на то, что теория не имеет никакого морального права на реализацию. «Уже на первом этапе своей истории научная евгеника столкнулась с тремя, щепетильными вопросами:

1. Каково содержание той идеальной модели человека, которую подразумевают сторонники евгеники;
2. Кем должен быть тот «селекционер», который будет проводить в жизнь, практически осуществлять «евгенический проект»;
3. Какова должна быть судьба «отбракованного человеческого материала» — еще нерожденных или новорожденных детей, а может быть, вообще — и детей и взрослых» [7, с. 58].

Где тот самый идеал, к которому стремится человечество? Идеал человека и общества всегда находится в прямой зависимости от господствующей парадигмы. Более того, мир меняется настолько быстро, что пока человечество стремится к одному идеалу (конечно же, его не достигая), создаются другие. Условно говоря, как только «селекционеры» добьются того, что размножаться будут только талантливые, физически здоровые, красивые люди, а затем и их потомство, идеалы поменяются. Придется выбирать людей, полностью соответствующих новым «стандартам». Остальных, вполне подходящих под предыдущие, но не соответствующих новым, «отбраковывать». Возможно ли при таких условиях поднять вопрос о ценности человеческой жизни? Конечно, нет,

потому что есть некий наивысший интерес, а жизнь отдельного человека либо является средством движения к нему, либо прерывается за ненадобностью. Более того, представления об «идеальности» человеческого существа находятся еще со времен Платона в прямой зависимости от представлений об идеальном государственном устройстве, что уже говорит об их неустойчивости. Конечной целью, так или иначе, является манипулирование людьми, а значит, низведение ценности их жизней к нулю. Общество, в понимании евгенистов, по определению должно быть разделено на «селекционеров» и «стадо», и принадлежность человека к «стаду» автоматически означает его бесправие. Чарльз Дарвин считал невозможным применять свое учение о естественном отборе к людям. Он настаивал на том, что специализируется только в области флоры и фауны, а человек — существо слишком сложное для помещения его в данную схему. Однако евгенисты не только поддержали теорию естественного отбора, но и создали собственную теорию искусственного отбора, ключевыми элементами которой воспользовались сторонники расовой теории нацистской Германии. В данном случае вопрос «А судьи кто?» так и остается риторическим. По какому праву одни могут быть «селекционерами», а другие не обладают правами вообще, так и остается загадкой. Поэтому вопрос о статусе научности евгеники так и остался открытым: ни эмпирической базы вследствие долговременности эксперимента и невозможности отследить результат, ни логичной теории у дисциплины нет. Есть лишь утопическая цель и на практике — зверские неэтичные методы её достижения.

В нашей стране у евгеники своя история развития. В Российской Империи, новые научные веяния поддержки не нашли. В самом деле, в конце XIX века в нашей стране не было должных условий для зарождения подобных идей. «Огромная, малонаселенная, аграрная, самодержавная, поликонфессиональная и многонациональная — как на уровне населения, так и на уровне правящих элит — страна не давала ни материала для изучения, ни восприимчивой аудитории для евгенических идей о биологическом вырождении, падении темпов рождаемости, расовом смешении, социальной деградации и перенаселении» [8, с. 26]. Евгенику по праву называли «звериной философией», порицали ее и не видели в ней никакого смысла [8, с. 28]. Ситуация в корне изменилась после революции. Изменения социально-экономических условий, полная их перестройка привела к тому, что людей нужно было сподвигнуть на некие жертвы и самоограничения, обратившись к теории о том, что все, что ни делается, направлено на благо государства будущего, в котором будет самая лучшая жизнь для лучших граждан. По сути, снова обратились к той же платоновской утопии, но в несколько смягченном варианте. Государство все же вмешивалось в обще-

ственную жизнь: был поднят вопрос о том, что бороться с венерическими заболеваниями необходимо при помощи истребления проституции (и тех, кто ею занимался, соответственно), но на бытовом уровне всё осталось, как было. Именно в то время, «предложили запрет на браки до 18 лет, а также на браки между близкими родственниками и психически больными. Они решили, что до регистрации брака, пара должна информировать друг друга о своих «историях болезни», особенно в отношении венерических, психических и туберкулезных заболеваний, и представить письменные показания по этому поводу в регистрирующий брак орган» [8, с. 35].

Советские мыслители были противниками «негативной евгеники» и отстаивали честь отечественных гениев, которые страдали врожденными заболеваниями (очень часто приводилось в пример то, что Ф.М. Достоевский был эпилептиком, и по логике евгенистов от него следовало избавиться еще до того, как он успел бы проявить свой писательский талант).

На взгляд автора, одними из первых трансгуманистов являются И.И. Мечников и В.М. Бехтерев (хотя в современном значении термин «трансгуманизм» применил Джулиан Хаксли лишь в 1927 году). Мечников, как и все трансгуманисты полагал, что старость — это «болезнь, которую нужно лечить, как всякую другую» [9, с. 13] и хотя он «не смерти был апологетом смерти, считая ее естественным жизненным финалом, но при всем при этом он писал, что человек должен жить гораздо дольше, будучи в хорошей физической форме, но, тем не менее, приходить к естественному концу (смерти). Преждевременное старение он считал следствием дисгармоний» [12, с. 710]. В.М. Бехтерев пошел еще дальше, считая одним из приоритетных направлений своих исследований вопрос бессмертия. «Он рассматривал проблему бессмертия человеческой личности, как научную проблему и считал, что смерти нет и это можно доказать логически. Бехтерев писал, что «...если нет бессмертия, то в жизни нет и морали» [3], [12, с. 710]. Сегодня вопросы преодоления старения и бессмертия не только не потеряли актуальности — ученые как никогда продвинулись в их решении. Достаточно упомянуть «теорию запрограммированной смерти клеток, основанной на работах Л. Хейфлика и А. Оловникова, а также первые успешные эксперименты по «обесмерчиванию» человеческих клеток «в пробирке». Существуют также гипотезы о генетических механизмах запрограммированной смерти многоклеточных организмов» [1, с. 31]. Другими вариантами решения вопросов являются: замена старых органов новыми, для чего необходима возможность применения органов животных или выращивания человеческих, «кибогизация, на начальном этапе предполагающая создание искусственных органов, а в дальнейшем радикальную перестройку организма» [1, с. 10].

На взгляд автора, направление трансгуманизм, столь популярное сегодня, является собой не что иное, как современную трансформацию евгеники. Ведь вся философия трансгуманизма направлена на улучшение и ускорение человеческого развития, с целью избавления его от страданий, болезней, старости и смерти. Евгеника изначально не предполагала таких заоблачных целей, ратуя за повышение качества человеческого рода, причем не столько в биологическом, сколько социальном плане. Разумеется, в евгенике шла речь о том, что здоровое потомство может быть только от здоровых родителей, интеллектуальные дети, только от интеллектуальных предков, а душевнобольные люди не должны иметь потомков, но в первую очередь, преследовалась задача избавиться от асоциальных элементов: сексуальных извращенцев, убийц, наркоманов, бродяг, проституток и т.д. Особого внимания заслуживает тот факт, что в США в начале XX века с легкостью кастрировали бедных из экономических соображений. Задачей учения было предотвратить рождение потомства у нежелательного населения. Трансгуманизм в силу научного и технического прогресса зашел куда дальше, ведь на его вооружении, та же генетика, компьютерные технологии, геномика, множество медицинских открытий, свершенных в последние годы, в т.ч. в области перинатальной медицины. Когда зародилась евгеника, ничего вышеперечисленного не было в природе, мыслители просто не располагали современными знаниями и технологиями. Генетика сегодня находится на службе трансгуманистов, стремящихся к динамизации научного процесса. Благодаря современным научным открытиям в медицине и генетике человечество успешно борется со старением, предотвращает рождение изначально неполноценных детей, помогает выжить тяжелобольным людям, вести им практически полноценную жизнь, дает возможность бесплодным родителям на рождение детей, а также сохранить беременность при угрозе выкидыша. «Современная медицина позволяет забеременеть бесплодным женщинам и выжить нежизнеспособным младенцам. Социальные программы поддерживают многодетные семьи, способствуя выживанию всего неблагополучного потомства. И когда наступит «мир во всем мире», ничто не будет угрожать человеческой жизни (кроме несчастных случаев» [13, с. 82]. Опять же, самопроизвольный аборт — это, как правило, естественный процесс избавления природы от потенциального ребенка с генными мутациями. Является ли в данном случае принудительное сохранение беременности благом для человечества в целом?

Изначально, евгеника настаивала на том, чтобы неперспективные особи не размножались в принципе (речь не шла об истреблении уже имеющихся индивидуумов), современная же медицина помогает не отказываться от деторождения родителям, имеющим хро-

нические заболевания, передающиеся по наследству, а пройти соответствующие генетические обследования, предоставив шанс на рождение здорового потомства. Опять же, евгеника была направлена на оздоровление и улучшение людского рода посредством кастрации нежелательных особей, в число которых входили, в том числе, и люди не только с ментальными, но и соматическими расстройствами. Такие меры, разумеется, могли лишить (а скорее всего и лишали) человечество множества гениев, страдающих серьезными недугами, способных внести неоценимый вклад в развитие человечества. Благодаря современному отношению к жизни, недопустима принудительная кастрация, никто не вправе решать, кого и по каким параметрам необходимо лишить детородных функций. Более того, мир знает множество примеров, когда люди, имеющие набор тяжелейших недугов продолжают вести социально активную и общественно полезную жизнь. Сейчас создаются центры реабилитации людей с тяжелыми формами аутизма и другими наследственными особенностями, не только психическими, но и физическими.

На взгляд автора процесс перерождения евгеники в трансгуманизм закономерен и своевременен. Получив евгенисты в XIX веке возможность генетической диагностики, сколько великих творцов, ученых, писателей и деятелей искусств, возможно бы просто не были рождены на свет, в силу существующего на тот момент отношения к жизни конкретного человека как таковой. В наше же время, при отношении к жизни каждого человека как ценности, у таких особенных детей есть все шансы не только к рождению, но и полноценному существованию в социуме. Человечество настоящего стремится к тому, чтобы выжило как можно большее количество человеческих существ. Условно говоря, те, кто, по мнению евгенистов недавнего прошлого, был бы «отбракован» если не естественным, то искусственным образом, в настоящее время получают право на жизнь.

С точки зрения евгенистов недавнего прошлого современное общество идёт к провалу: право на общественную жизнь получают те, кто был бы бесправным в том идеальном государстве, которое они теоретически создавали. Более того, современная реальность толерантна к таким формам отношений, которые по определению не приводят к появлению потомства (гомосексу-

альные и трансгендерные семьи), что для государства и человечества в целом может означать приближение демографической катастрофы.

Скорее всего, в недалеком будущем потенциальным родителям будут доступны услуги по определению того, кем будет их будущий ребенок, в каком направлении ему развиваться, какими внешними и личностными качествами он будет обладать. «Но на этом пути тоже немало опасностей, которые, на мой взгляд, уже сейчас выглядят непреодолимыми. Ибо в каждом конкретном случае решение о судьбе ребёнка (не имеющего возможности воспрепятствовать выбору родителей) принимается частными лицами, которые могут оказаться недостаточно компетентными (в лучшем случае), а то и конкретно глупыми, или окажутся носителями каких-либо экзотических наклонностей» [13, с. 84]. Несомненно, явным различием евгеники и трансгуманизма является само отношение к человеческой жизни, если первая, преследуя цель общего блага человечества готова жертвовать отдельными индивидами (пусть даже еще не рожденными), то для второго учения жизнь каждого человека ценна сама по себе. Возможно, такие евгенические радикальные меры, как кастрация асоциальных или душевнобольных элементов действительно приведет к оздоровлению человечества в целом, но гуманно ли это? Кто из людей вправе взять на себя роль бога и вершить судьбы себе подобных? Трансгуманизм, напротив, стремится сохранить любую жизнь, причем, необязательно в первоначальном виде: «Киборг, Мутант, Клон — три версии Постчеловека, к каждой из которых, ведут определенные антропо-технологические практики, сегодня уже активно развиваемые (хотя не достигшие финальных плодов)...» [15, с. 22]. Не является ли это также противоестественно, или же это, напротив, естественный эволюционный процесс, когда жизнь переходит на новый уровень, трансформируясь в новые формы? А быть может, это верный путь к вымиранию человечества как вида? Однозначно можно сказать только с этической точки зрения: сегодня ситуация значительно улучшилась в плане признания абсолюта человеческой жизни как ценности, правда, с риском того, что общество и государства будущего так и останутся далекими от утопических идеалов. Возможно ли совместить эту ценность с государственными и мировыми биополитическими интересами — вопрос по-прежнему открытый.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аргонов В. Ю. Искусственное программирование потребностей человека: путь к деградации или новый стимул развития? // Вопросы философии. 2008. № 12. — С. 22–38.
2. Аристотель. Политика; пер. с др.-гр. С. А. Жебелева. — Спб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. — 352 с.
3. Бехтерев В. М. Бессмертие человеческой личности как научная проблема [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://lib.ru/FILOSOF/BEHTEREW/bessmertie.txt> (дата обращения 11.08.2017)

4. Бужиевская Т.И., Гершезон С. М. Евгеника: 100 лет спустя [Электронный ресурс]. — режим доступа: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/MEN/HERSH.HTM> (дата обращения: 07.06.2019)
5. Бузикова В. Д. План «Ост» в действии // Вестник Московского государственного университета печати. — 2011. — с. 446–450
6. Загырдинова Ф. Б. Био: власть, политика, этика // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. — № 33 (287). Политические науки. Востоковедение. Вып. 13. С. 39–43.
7. Иванюшкин А. Я, Лапин Ю. Е., Смирнов В. И. Евгеника: от утопии к науке. . . и от науки к утопии? // Российский Педиатрический Журнал. 2013. — № 2. — С. 55–59.
8. Кременцов Н. Л. От «звериной философии» к медицинской генетике: евгеника в России и Советском Союзе; *Studies in the history of biology*. 2014. — Volume 6. — № 2. — С. 24–56.
9. Мечников И. И. Этюды о природе человека. Спб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. — 320 с.
10. Минеев В. В. Социальные аспекты смерти: Философско-антропологический анализ. М.: Директ-Медиа, 2014. 473с.
11. Платон. Государство; пер. с древнегреч. А. Н. Егунова. — Москва: Издательство АСТ, 2016. — 448 с.
12. Тайгунова Т. В. Вечная жизнь — миф, или реальность? // Форум молодых ученых. 2017. — № 9 (13). — с. 705–715.
13. Хен Ю. В. Евгенические стратегии будущего: качественная демография или либеральная евгеника? // Гуманитарный вектор. 2017. — Т. 12. — № 1. — С. 82–86.
14. Хен Ю. В. Цели и средства евгеники (этический и естественно-научный статус дисциплины) // Философия науки и техники. 2005. — С. 243–260.
15. Хоружий С. С. Проблема постчеловека, или трансформативная антропология глазами синергичной антропологии // Философские науки. 2008. — № 2. — с. 10–31.

© Тайгунова Татьяна Викторовна (red_otdel@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Красноярск